

Английский с «русским акцентом», или Несколько слов о коллективном бессознательном и русских медведях

Работая синхронным переводчиком на международных мероприятиях, сталкиваешься с представителями самых разнообразных национальностей, которым приходится для пользы дела говорить на английском языке. Кто-то из людей с неродным английским овладел им лучше, кто-то хуже; кто-то великолепно формулирует замысловатые пассажи на современном «проектно-управленческом» воляпюке, но неспособен внятно выразить простенькую самостоятельную мысль; почти у всех сохраняются фонетические или грамматические следы влияния родного языка. Как бы то ни было, переводить с английского, в нашем случае на русский, приходится всех, и переводчики к этому привыкли, хотя иногда, зажав пальцем клавишу временного отключения микрофона, и ворчат на очередного француза, индийца или японца. Но если спросить англо-русских переводчиков, с каким оратором хуже всего иметь дело, почти все дружно ответят: с русским, который решил выступить по-английски.

Казалось бы, что проще? Ну и что, что звуки неточные, интонация топорная, ритм, несвойственный английскому языку – ведь это всё просто похоже на русский язык, прекрасно знакомый переводчику? Так, да не так. К фонетическим искажениям действительно можно приспособиться, научиться их «отфильтровывать». Гораздо труднее и неприятнее иметь дело с «русским акцентом» в выборе лексики и построении фразы, а особенно в области логической структуры. Замечательная преподавательница в московском инязе прежних времен Н.С.Стрелкова, у которой английский язык как раз родной, устав бороться со своими русскими студентами, вздыхала: “You are not speaking English, you are translating from your Russian thoughts”. Печально, когда так звучит английская речь русского экономиста, инженера или политика. Но совсем никуда не годится, когда на таком же «русском английском» изъясняется переводчик.

Фонетисты скажут вам, что интерференция русской ритмики и мелодики при говорении русскоязычного человека на английском языке создаёт у английского слушателя не просто ощущение, что он слышит речь иностранца – это бы ещё полбеды. Беда в том, что невинная русская просодика, наложенная на английский текст, заставляет слушателя подсознательно интерпретировать такую речь как грубую, навязчиво давящую, приказную. Так уж получается, такое вот неприятное совпадение. По сравнению с постепенной нисходящей ступенчатой шкалой, которая является нейтральной для английского языка, русская нейтральная интонационная шкала – волнообразная, с ударными слогами, поднимающимися вверх, и безударными, «проваливающимися» вниз, – звучит слишком эмоционально, истерично. Русские вежливые просьбы, имеющие в норме нисходящий интонационный рисунок, воспринимаются как грубые безапелляционные приказы английским ухом, привыкшим к тому, что просьба – это непременно высказывание, завершающееся словом *please*, и обязательно произносимое с восходящим тоном. Причём ощущения эти возникают у слушателя помимо сознательного контроля, а бороться с подсознательным ощущением чрезвычайно трудно: усмотреть в несоответствии интонационных шкал дефект фонетики способен разве что профессор Хиггинс; любой другой слушатель невольно делает выводы в области «национального характера» и прочих стереотипов (русские люди – взбалмошные, несдержанные, невоспитанные, авторитарные и т.п.)¹.

¹ Автор выражает благодарность А.Дмитриевскому за фонетические примеры.

Но вот вопрос: не делаем ли мы что-то подобное и с лексикой и грамматикой? Не создаёт ли характерная и часто повторяющаяся интерференция² русского языка, в самых разных своих проявлениях, неадекватного впечатления не просто об одном говорящем, а обо всём русском языковом сообществе в целом, да так, что это невольно превращается в стереотипные суждения обо всём народе? Вопрос, конечно, очень большой и серьёзный. Чтобы ответить на него, не хватит не только одной статьи, но и многих пухлых томов, и целой жизни. Да, собственно, попыток дать тот или иной ответ на него уже сделано и делается немало³. Но попробуем добавить в общую копилку ещё некоторые наблюдения, даже если для этого нам придется сослаться на некоторые хорошо известные примеры.

Иногда причиной неадекватного давления на английский язык со стороны русского говорящего может стать такая, казалось бы, неопасная и чисто формальная вещь, как высокая частотность русского слова, которую говорящий невольно пытается воспроизвести в английском, к месту и не к месту употребляя его «прямой» английский словарный эквивалент. Видимо, именно это происходит с парой слов «душа»/«soul». Русское «душа», а также производные от него («душевный», «задушевный», «бездушный») – слова чрезвычайно частотные, причём во многих случаях они встречаются в устойчивых выражениях и идиомах, где их смысл ослаблен и стёрт (*в душе, с душой, без души, по душе, от души, для души, (не) к душе* и т.д.). *Soul* в качестве эквивалента слова «душа» подойдет только в контекстах, где речь идет о религии; например, об иудейской, христианской или буддистской доктрине, о верованиях древних египтян, греков или индейцев. Во всех остальных случаях удачными вариантами перевода окажутся устойчивые выражения со словом *heart* (или сложные слова с этим же корнем), или конструкции, образованные по какому-то иному принципу⁴:

бессмертная душа > immortal soul

спасение души > the salvation of the soul

переселение душ > transmigration of souls/ metempsychosis

Но: в глубине души > at heart/ at the bottom of one's heart/ deep down

разговор по душам > heart-to-heart talk

(делать что-л.) с душой > put one's heart in smth.

от души > from one's heart

(выбрать что-л.) по душе > after one's heart/ to one's liking

бездушный человек > heartless person

кривить душой > act against one's conscience

стоять у кого-л. над душой > breathe down smb's neck/ look over smb's shoulder *и*

т.д.

Если же большое количество русскоязычных говорящих будет настойчиво пытаться вставить в свою английскую речь во всех этих позициях именно слово *soul*, то у слушателей может создаться ложное впечатление о какой-то особой значимости этого понятия для русского языкового и национального сообщества. А отсюда уже недалеко и до векового мифа о «загадочной русской душе», без обращения к которой русский человек не может выразить даже самую расхожую мысль.

² Т.Ларина называет это «лингво-культурная коммуникативная интерференция» (Т.Ларина. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций*. М., Изд. Рукописные памятники Древней Руси, 2009., с.67.)

³ См., напр.: Линн Виссон. *Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур*. М., Р.Валент, 2003, а также Т.Ларина. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций*. М., Изд. Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Многие из тем, которые я намерена осветить в своей статье, затронуты в этих книгах, к которым я с благодарностью отсылаю читателя.- *И.З.*

⁴ См. тж. Л.Виссон. *Цит. раб.* с.18.

Сходное явление у англоговорящих русских наблюдается там, где их «русская голова» требует присутствия слов «**совет**» или «**советовать**». Мы недаром в шутку называем себя «страной советов» – эти слова встречаются в нашей речи очень часто. Л. Виссон полагает, что русские стремятся при принятии решения посоветоваться с кем-то ещё, чтобы в случае неудачи можно было возложить на того моральную ответственность.⁵ Возможно, что и так, но ещё больше они любят *давать* советы, даже когда никто к ним за этим не обращался. Поэтому в русском обиходе мы слышим не только «ценный совет», «полезный совет» (а у Г. Остера «Вредные советы»), «советы врача», «хочу с тобой посоветоваться», но и «советуем вам поторопиться» или «не советую тебе этого делать»⁶. Существительное *advice* просто неспособно взять на себя всю эту нагрузку. Во-первых, оно неисчисляемое, и если, по русской привычке, захочется посчитать даваемые или запрашиваемые советы, то придётся заменить его громоздким оборотом *a piece of advice*. Во-вторых, лексико-семантическое поле, соответствующее русскому «совет», со словом *advice* делят ничуть не менее частотные *recommendation*, *suggestion* и *tip* («По совету друга я остановился в этой гостинице» > *On my friend's advice/ suggestion/ recommendation, I stayed in that hotel*; «советы косметолога» > *beauty tips*). Глагол *to advise* по регистру несколько выше однокоренного существительного, а по типичным контекстам употребления – уже; он скорее соответствует русскому «консультировать», «служить советником» (*He advises the President on national defense*). Главное же отличие в употреблении касается оборота «(не) советовать кому-л. делать что-л.», который часто имеет не более чем оценочное и модальное значение и переводится с помощью совсем иных средств английского языка:

- Я советую тебе поговорить с ним немедленно. > *I suggest you talk to him at once./ I think you should talk to him at once./ Why don't you speak to him right now?*
- Я не советую тебе ехать туда. > *You had better not go there./ I don't think it is a good idea for you to go there.*

Подобное же модальное или фазисное значение имеют иногда слова «**риск**»/ «**рисковать**». То есть там, где речь идёт о потенциально опасном поведении (*risky behavior*) или об обстоятельствах, способных привести к негативным последствиям в той или иной области деятельности (*business/ financial risks* – «деловые/ финансовые риски», *risk-oriented audit* – «рискоориентированный аудит» (т.е. аудит, направленный на выявление и анализ рисков и мер их снижения)), слова этого корня употребляются в русском и английском языках без особых отличий. Но как только в дело вступают эмоциональные и оценочные компоненты, всё меняется. В русском языке различаются прилагательные «рискованный» (= опасный; нежелательный), «рисковый» (= связанный с рисками) и разговорное «рисков́ый» (= удалой, лихой); по параметру оценки они, соответственно, отрицательное, нейтральное и положительное. В английском языке положительных коннотаций ни у каких слов корня «*risk-*» нет. То же самое касается глагола «рисковать»: если русский контекст способствует проявлению в этом слове оттенков благородной дерзости и бесстрашия, то для перевода на английский понадобятся слова иных корней («Кто не рискует, тот не выигрывает» > *Nothing venture(d), nothing gain(ed)*.) А уж если нужно сказать что-то более стёртое и имеющее скорее отношение к вероятности самого действия или его успешности, в английском удобнее использовать совсем другие обороты:

⁵ *Цит. раб.*, с. 100-101.

⁶ И это мы ещё не упомянули ставшее практически омонимом слово «совет» в значении «совещательный орган»: «Совет Федерации», «Верховный Совет», «совет по делам молодежи», «ученый совет университета», «совет директоров», да в конце концов, «власть Советов». С переводом этого значения слова больших трудностей нет – это *council* или *board*, а применительно к властным структурам социалистических времен в нашей стране – *soviet* (n., adj.)

- Riskну предположить, что это был её брат. > If I may hazard a guess, it must have been her brother.
- Я бы не рискнул звонить ему после полуночи. > I would not dare call him after midnight (he might get angry)./ или: I don't think it would be wise to call him after midnight (it is no use talking to him at that hour)/ I wouldn't call him at that time (if I were you).
- Ты рискуешь опоздать. > You could/ might be late.

Пожалуй, самые серьёзные случаи межкультурного непонимания, иногда перерастающие во взаимную обиду, возникают вокруг выражения на английском языке смысла, передаваемого русскими словами «**правильный**»/ «**неправильный**» (или «**верный**»/ «**неверный**»). Тема эта освещалась уже неоднократно,⁷ но не лишним будет повторить основные соображения и здесь. Итак, семантическое поле, покрываемое этими широкими по смыслу русскими словами, в английском языке разделено между целым рядом слов, которые внутри английского языка даже не всегда воспринимаются как синонимы. По-английски «правильность»/ «неправильность» понимается и обозначается по-разному, в зависимости от того, чему рассматриваемый предмет или действие соответствует (или противоречит): закону, образцу, факту, обычаю, ситуации, ритму и т.п. Какого-то одного слова, или пары антонимов, которое подошло бы во всех этих случаях, в английском языке нет. Более того, в русском словоупотреблении «правильным» нередко называют то, что просто нравится говорящему, одобряется им («И это правильно, друзья!»). Такое значение по-английски нужно передавать, открыто выражая субъективность высказываемого мнения. Попробуем свести эти различия в таблицу:

		Чему соответствует	
1.	Это правильно, что преступник должен понести наказание. Ребенок уже достаточно взрослый, чтобы понимать, что правильно, а что неправильно.	закон (юридический или моральный)	It is right for a criminal to be punished. The child is old enough to know right from wrong .
2.	Решение задачи неправильное, в нем ошибка. Слово написано правильно.	образец, модель	The solution is incorrect , there is a mistake here. The word is spelled correctly .
3.	Верно или нет, что Амстердам – столица Голландии? (<i>вопрос в тесте</i>)	факт	Is it true or false that Amsterdam is the capital of Holland?
4.	Правильное поведение – залог успеха в обществе.	обычай, принятые нормы	Proper behavior is key to success in society.
5.	Это было самое правильное решение в тех обстоятельствах.	ситуация	It was the most appropriate thing to do under the circumstances.
6.	Деревья посажены правильными рядами. неправильные черты лица	ритм, симметрия	The trees are planted in regular rows. irregular features
7.	Я считаю правильным, чтобы стены были покрашены белым. Это неправильно, что вы так рано уходите.	личное мнение говорящего	I would prefer that the walls be painted white. Why don't you stay a little longer?

⁷ Л.Виссон. *Цит.раб.* с. 108-112; И.Зубанова, А.Никольская *An American Patchwork*, М., Р.Валент, 2006 с. 13-15.

Помимо указанного в таблице, слова *right/ wrong* имеют ещё и более широкое значение (*You are right about it*), но и его широта безгранична. Особенно осторожным следует быть, стремясь назвать «неправильным» суждение, а тем более поведение, собеседника или третьего лица. Английский речевой, да и просто социальный, этикет предписывает по возможности воздерживаться от этого, выбирая более мягкие выражения и исходя из того принципа, что никто, в том числе говорящий, не имеет монополии на абсолютную истину, и потому не может судить другого, если не имеет на то прямого права (например, юридического). Брать же такое осуждение «на себя» не возбраняется: с первым лицом слово *wrong* при желании можно употреблять⁸:

- Я считаю, что ты неправ. > I don't think you are right. / I'm afraid you are mistaken. / I cannot agree with you.
- Может быть, я и неправ, но мне кажется, что он живет здесь. > I may be wrong but I believe he lives here.

Иногда переводчику трудно бывает определить, в каком именно смысле русский говорящий употребляет слово «правильный» («неправильный»). Более того, сам говорящий иной раз не мог бы дать ответа на этот вопрос – для него эти разные значения могут представляться нерасчленёнными. В таком случае можно попробовать воспользоваться при переводе словом *adequate/ inadequate* или *appropriate/ inappropriate* и надеяться на то, что дальнейший контекст прояснит суть ораторской мысли, например:

- Мы, несомненно, найдём правильное решение этой задачи. > I am sure we will find an appropriate solution to this problem.

Кстати, о **субъективных** мнениях (и **объективных** фактах). Это ещё одна пара слов, очень часто, к месту и не к месту, употребляющихся русскими говорящими; возможно, её популярности способствовало активное использование этих слов в марксистской философии. Причём в философских построениях – не будем сейчас спорить об их справедливости – эти термины фигурируют в соответствии со своим законным значением: «субъективный» – свойственный, присущий только данному лицу, субъекту (*субъективные переживания*); «объективный» – соответствующий объекту, существующий вне нас и независимо от нас; реальный (*объективные причины, объективный мир*) (словарь п/р Ушакова). Однако у этих слов, по данным того же словаря, есть и вторые значения: «пристрастный, предвзятый» / «беспристрастный, спокойный, лишенный предвзятости»; а отсюда, в реальном бытовом употреблении (и это уже выходит за рамки того, что фиксируют словари) – «неадекватный, недостоверный, сомнительный» / «адекватный, несомненный, правильный». Не приходится ли слышать то и дело: «Ну, это вы субъективно говорите!», «По моему объективному мнению...»? В данном случае, в большей или меньшей степени, неправ русский говорящий, употребляющий слова по принципу кэрролловского Шалтай-Болтая – что мне хочется, то слово и будет значить. Но переводчик, разумеется, не в состоянии и не вправе пристыдить или исправить оратора. Максимум того, что он может сделать – не усугублять ошибку повторением её в переводе. Переводчику придётся понять, что имел в виду оратор, используя эти слова, и перевести в соответствии с этим пониманием:

- Свою роль в возникновении аварии сыграл и субъективный фактор. > The accident was caused, among other things, by human error.
- Я, конечно, отношусь к этому очень субъективно. > I personally feel very strongly about it.

⁸ См.тж. Т.Ларина Цит. раб., с. 95.

- Мы должны высказать объективное суждение по этому вопросу. > We have to give/provide/come up with an unbiased opinion on the matter.

Не всё просто и однозначно и с существительными «**субъект**»/«**объект**» и «subject»/«object». Несмотря на свой незамысловато-интернациональный вид, эти пары однокоренных слов имеют в двух языках больше различий в значении и употреблении, чем совпадений. Казалось бы, это вовсе не секрет, но ошибок на эти слова и от русских, говорящих на английском, и от переводчиков приходится слышать невероятно много; причём мы не только пытаемся навязать английскому тексту кальки с русского словоупотребления, но и забываем использовать в английском языке эти слова там, где это было бы уместно. Повторим:

Совпадения (полные или частичные):

субъект (в грамматике) > subject (of a sentence) (но в русском чаще «подлежащее»)

объект (в грамматике) > object (of a verb, etc.) (но в русском чаще «дополнение»)

объект (нечто видимое или осязаемое) > object

UFO (unidentified flying object) > НЛО (неопознанный летающий объект)

Но:

субъект права > legal entity

субъект правоотношения > party to a legal relationship

субъект преступления > offender/ perpetrator

субъект хозяйственной деятельности > economic entity/ actor/ player⁹

субъект Российской Федерации > constituent (member/territory) of the Russian Federation

сомнительный субъект (разг.) > shady type / dubious character

subject of the king > подданный короля

subject of discussion > предмет/тема обсуждения

subject (in school) > предмет/ дисциплина

subject (in a clinical study, etc.) > испытуемый

объект преступления > target of a crime

объект (строительный, промышленный, военный и т.п.) > facility/ site/ venue/ project

объект насмешек > subject/ object of ridicule

object of the game > цель игры

(money is) no object > (деньги) не проблема и т.д.

И это позволяет нам перейти к разговору о **проблемах**. Вот уж этому слову в русском языке частотности не занимать! Что мы только не делаем с «проблемами»: мы их ставим, поднимаем, упоминаем, рассматриваем, изучаем, обсуждаем, даже «озвучиваем». Иногда, конечно, и «решаем», но больше разговариваем. И какие разные бывают проблемы, на любой вкус: актуальные, срочные, интересные, увлекательные – да всех и не перечислить. А уж по тематике и вообще никаких ограничений: «проблема личности в истории», «проблема отцов и детей», «проблема подготовки к празднованию Нового года», и так далее, до бесконечности. И всё бы ничего, если бы мы так рассуждали о разных проблемах только по-русски; вроде бы в русском языке ничто этому не препятствует: русские словари в качестве определения этого слова обязательно включают что-то вроде «вопрос для обсуждения». Но стоит обратиться к английским словарям, и мы видим совсем другую картину: первым значением слова *problem* везде значится “a difficulty that needs attention and thought”, “a question or situation that presents uncertainty, perplexity, or difficulty”, “doubtful or difficult question or task”. То есть, если обобщить, английское *problem* – это «затруднение», «неприятность», а то и «беда»! В самом деле:

⁹ Т.Некрасова в статье в недавнем номере «Мостов» (3(27)/2010) предложила удачный эквивалент для ещё одной группы субъектов: «субъект инвестиционной деятельности» > investment stakeholder.

- We have a problem with Jack, there is no spare bedroom for him. > Непонятно, что делать с Джеком, для него не хватает комнаты.
- Her husband has a serious drinking problem. > Её муж – пьяница.
- She has no problem with her son's friends staying in her house overnight. > Её не смущает, что друзья сына ночуют у неё.
- Even if you show up half an hour late, it's not a problem, just come right into the meeting room.
> Даже если ты на полчаса опоздаешь – не беда, проходи прямо в переговорную.

Получается, что по-английски не нужно называть словом *problem* то, что мы собираемся всего лишь обсуждать или рассматривать – а только то, что нас смущает, тревожит, пугает, что требует решения, а не разговоров (и поэтому, кстати, бóльшая часть русских словосочетаний, приведенных абзацем выше, не должна передаваться на английском языке при помощи слова *problem*)¹⁰. Что же делать с русской «проблемой»? Очень просто: её надо рассматривать как «вопрос», «тему», «предмет для изучения/ обсуждения/ рассмотрения» и т.п. Получается примерно так:

- крупная/ масштабная/ серьёзная проблема > a grave/ momentous/ serious issue/ matter
- актуальная/ срочная/ безотлагательная проблема > an urgent/ burning question
- поднять/ поставить проблему > to raise a question/ to take up an issue
- обсуждаемая проблема > subject of discussion/ issue at hand/ the thing we are talking about
- А теперь перейдём к обсуждению проблемы премирования сотрудников по итогам квартала. > The next item on our agenda is quarterly bonuses.

В последнем примере слову «проблема» вообще почти не понадобилось лексического эквивалента; да это и понятно: здесь это слово-пустышка, его можно без потерь удалить и из русского оригинала. Короче говоря, выбор вариантов для перевода весьма широкий: от более конкретных *issue, question, subject, point, matter* до более широкого *thing* и даже до полного опущения¹¹.

Но вот заговорил по-английски наш русский человек, и объявил он своей англоязычной аудитории, что какая ни будь тема, какой ни встань вопрос, какой ни возьми предмет – всё «problem». То есть дело плохо: всё непонятно, туманно, неразрешимо. К собирательному образу «русского человека» добавились новые черты: он уже не просто невоспитанный, несдержанный, грубый, авторитарный; командует всеми и поучает всех, «как правильно»; не просто выдаёт своё личное мнение за объективную истину в последней инстанции; не просто навязывает другим свои непрошенные советы (но при этом всё время апеллирует к непостижимой и загадочной «душе» как к источнику своих порывов); но он ещё и пессимист, во всём видящий опасности («risks») и неразрешимые затруднения («problems»). Жуткое дело, невольно подумал английский слушатель: то ли Иван Грозный, то ли истерично-депрессивный мафиози, то ли Раскольников с топором...

Ну ладно, с проблемами мы разобрались; посмотрим, что у нас с «решениями». Тут тоже порядка нет. Во-первых, приходится признаться, что не все ещё усвоили различие между *solution (of smth)* и *decision (to do smth)*. Чтобы убедиться в этом печальном факте, достаточно набрать в поисковой строке «Яндекса» невозможное в английском языке сочетание **decision of problem* (не путать с *the problem of decision[-making]* – это как раз нормально!) и полюбоваться на количество документов, в основном

¹⁰ Ещё одно значение слова *problem* – «задача» (*математическая, физическая и т.п.*). Вот она по-русски – не «проблема».

¹¹ Кстати, популярность слова *topic* – это ещё один фантом «русского английского» языка; в «просто английском» языке это слово довольно редкое, и уж, конечно, нигде, кроме как у нас, оно не означает «подготовленное заранее и заученное наизусть эссе для ответа на устном экзамене по иностранному языку».

переводных с русского, готовых предоставить нам примеры такого рода (что лишний раз доказывает, что интернету слепо верить нельзя). Вообще нашему англоговорящему русскоязычному человеку очень нравится слово *decide (to do smth)*, потому что оно позволяет ему придать дополнительное модально-фазисное значение «намерения» смысловому глаголу-сказуемому (как в русском: «он решил подождать» (= он намерен/ собирается подождать), «я ещё не решил, что буду делать» (= я ещё не знаю/ не уверен, что буду делать).)¹². Между прочим, словарь Ушакова в своём 1948 году полагал, что в русском языке для этого следует употреблять только возвратный глагол «*реши́ться* делать/сделать что-л.». Само по себе использование глагола *decide* для этой цели правильно, только полезно помнить, что в английском у него в этой функции множество синонимов и аналогов, которым тоже неплохо бы дать место в тексте пропорционально их частотности, а не позволять одному *decide* монополизировать всю эту сферу:

- Я решил, что позвоню ему завтра. > I mean/ plan/ intend to call him tomorrow./ I will call him tomorrow.
- Он решил, что обязательно добьётся ее согласия. > He determined (*np.вр.*)/ He is determined (*наст.вр.*) to win her consent.
- Мы пока не решили, куда поедem в отпуск. > We do not yet know/ We have not yet made up our minds where we will spend the vacation.
- Ты должен, наконец, решить, какую машину ты будешь покупать. > You've got to make up your mind what kind of car you are going to buy.

В последнем примере (и только в нём) глагол «решить» употреблён исключительно в смысле «совершить волевой акт выбора».

Во-вторых, выбирая глагол для описания процесса решения (в значении «нахождение ответа или выхода из ситуации»), нужно отчётливо понимать, что есть существенная разница между «решить» и «решать» – первое предусматривает достижение искомого результата, а второе лишь некоторые шаги в этом направлении. В английском языке этими двумя областями значения ведают совершенно разные группы глаголов, а выбор слова внутри группы определяется уже английскими правилами лексической сочетаемости – то есть это дело тонкое, до конца логически не объяснимое, требующее от пользователя языка внимания, чуткости и большого пассивного запаса правильных моделей. Для значения «решить»/ «разрешить»/ «найти решение» это, главным образом, следующие глаголы:

- solve : ~ a problem (как «найти решение проблемы», так и «решить (учебную) задачу»),
~ a conundrum/ a riddle > решить загадку
- resolve : ~ a conflict > разрешить конфликт
~ an (outstanding) issue > решить (назревший) вопрос
- settle : ~ a dispute > решить/ разрешить спор
- put an end to : ~ uncertainty/ confusion > разрешить (ситуацию) неопределенности/ положить конец неопределенности (неясности, путанице)
- answer : ~ a question > решить вопрос
- unravel : ~ a mystery/ a plot > решить загадку/ разгадать тайну/ раскрыть заговор
- decipher : ~ a code/ a cryptic message > разгадать/ вскрыть код/ шифр/ зашифрованное послание
~ a reason (for smth) > разгадать/ понять причину чего-л

¹² Причём «*реши́ть*», как и полагается русскому глаголу совершенного вида, не имеет формы настоящего времени, что не мешает ему описывать не только *действие* в прошедшем, но и *состояние дел* в настоящем: «Я решил, что буду заниматься спортом» может относиться как к решению, принятому «вчера», так и к мнению/намерению, существующему «сегодня». В английском варианте это различие должно выразиться, как минимум, в выборе разных глагольных времён: Past Indefinite для первого случая и Present Perfect для второго.

do : ~ a crossword puzzle > решить кроссворд

А для значения «решать» (вопрос, проблему, задачу) найдется огромное количество глаголов разных оттенков смысла, степени уклончивости, градуса официальности и т.п.: *to tackle/ address/ treat/ take up/come to grips with/wrestle with/ deal with an issue (matter, question, problem, task, etc.)*¹³. Так что если у англоговорящего русского человека возникнет потребность отучить себя от неправильного калькированного словоупотребления при переводе русского «решение проблемы», то всегда можно найти достаточное количество слов для выражения этой мысли. Кстати, это хороший приём для работы над расширением своего активного словарного запаса на иностранном языке: нужно, хотя бы временно, «запретить» себе использование самого очевидного, «прямого», рефлекторно возникающего варианта, даже если он не является абсолютно неправильным. Например, отказаться от употребления прилагательного «*main*» в качестве эквивалента русского «главный» – тогда-то и полезут из глубин памяти *leading, principal, cardinal, paramount, foremost, top, chief, fundamental, crucial, decisive* и еще многие другие. Мы все носим с собой свой пассивный тезаурус как набитый чемодан, в который лень залезать, а пользуемся только тем, что «под рукой», в маленьком дорожном саквояже. Зачем же было паковать чемодан?

Отдельные трудности возникают у русского человека в английском языке, когда нужно выразиться **вежливо**. Во-первых, по-русски мягкость, дружелюбие, нежелание быть назойливым, уважительность и другие подобные прагматические оттенки часто передаются не грамматикой или лексикой, а просодикой, то есть интонацией. Просодическая модель, как волшебный плащ, покрывает высказывание любой синтаксической структуры и лексического наполнения, превращая его из приказа в просьбу или предложение, из запрета в заботливое увещание, из утверждения в вопрос. Кто вспомнит, что «`Чайник по ставь!» – это императив, то есть, казалось бы, грамматическая форма, подходящая больше для приказа? Если произнести второе слово с восходящим тоном голоса, получится ласковая просьба. Английской интонации тоже нельзя отказать в выразительности и богатстве передаваемых оттенков, но какие-то функции непременно требуют дублирования на уровне синтаксиса и лексики. Так, по-английски просьба – не просьба, пока в конце (или в начале) не добавлено волшебное слово *please*.

Ещё один пример того, как, с самыми лучшими намерениями, мы можем создать у английского слушателя ложное впечатление о сказанном – это отрицательные по форме общие вопросы (*General Questions*), то есть вопросы без вопросительного слова, требующие ответа «да» или «нет». Это своего рода синтаксический и коммуникативный ложный друг переводчика. В русском языке отрицание глагола в вопросительном предложении даёт эффект смягчения прямоты вопроса; такие вопросы приближаются к вежливым просьбам – и именно так их следует трактовать в переводе на английский. Сравните:

- Вы знаете, который час? (> Do you know the time?) || Вы не знаете, который час? (> Could you tell me the time?/ Do you have the time?)
- Ты купишь мне газету? (> Will you buy me a paper?) || Ты не купишь мне газету? (> Could you please get me a paper?)

¹³ Вот какие тонкие различия отмечаются в письме читателя в британскую газету "Индепендент" (17.12.1999): "*Problems used to be dealt with, considered, tackled or even attacked and often as not there was a solution, and the outcome was made known. Now they are addressed and rarely is any result apparent. Perhaps this is the result of things being proactive, whatever that is supposed to mean.*"

В английском общем отрицательном вопросе заложено совсем иное эмоциональное и прагматическое содержание. Такая конструкция выражает удивление, порой граничащее с возмущением; её функция – упрёк, порицание, указание на упущение, вызов на спор:

- Don't you know what time it is? > Вы что, не знаете, который сейчас час? (Вы опоздали!)
- Can't you keep quiet when I am on the telephone? > Ты не можешь помолчать, когда я говорю по телефону?!
- Didn't you buy the milk? > Ты что, не купил молоко?!
- Didn't I tell you that before? > Я тебе сто раз говорила!

Кстати, для того, чтобы достойно поддержать разговор на повышенных тонах, начатый общим отрицательным вопросом на английском языке, прекрасно подойдёт вводный оборот «*of course*», означающий примерно «И ты ещё спрашиваешь? Да как ты смеешь сомневаться!»: “*Didn't you buy the milk?/ You mean you didn't buy the milk?*” – “*Of course I did!*” > «Ты что, не купил молоко?!» – «А вот и купил!». Нейтральное вводное «конечно», не таящее в себе никакой обиды в адрес слушателя, – это *certainly* или *surely/ sure* (последнее воспринимается как американизм).

Не всё у нас решено и с «вежливой» английской лексикой. Например, бытует ложное мнение, что английское *congratulation* полностью соответствует русскому «поздравление», а это совсем не так. По-русски поздравляют со всем, чем угодно: с днём рождения, с новым годом, с Днём победы и т.д. Английское *congratulate* годится только для поздравлений с тем, что можно считать личной заслугой поздравляемого: с получением награды, защитой диссертации, окончанием большой работы, рождением ребёнка. Фактически, *congratulate* приближается по смыслу к «признать заслугу, отдать должное; похвалить». Представляете себе, что именно приходит в голову англичанина или американца, выслушавшего от русского друга: **“Congratulations on your birthday!”*? (Хорошо, если не **«with»*).

А уж что мы творим с английской грамматикой, да ещё с такой деликатной, прямо к душе и сердцу человека обращённой её областью, как модальность! Причём мы же не по злобе, а больше от лени – ну неохота нам разбираться во всех этих английских тонкостях, сойдёт и попроще – мы же им, иностранцам, добра желаем. Хотим сказать: «Тебе, Билл, надо горло шарфом замотать, а то ты тут у нас простудишься», и говорим «*you must*». А он обижается, что мы им помыкаем и командуем (*tell him what to do*). Ну ладно, сделаем над собой усилие, припомним школьную программу по грамматике. Как там было повежливее – «*you should*»? А ему и это не годится, он по-прежнему считает, что мы на него давим, лезем со своими назойливыми рекомендациями, не уважаем в нём взрослого человека, способного самостоятельно принять решение. Так что же ему надо? Оказывается, именно что надо оформить наш совет так, чтобы у него создалось впечатление, что он это всё сам будет решать, а мы только напоминаем ему об имеющихся в его распоряжении возможностях: “*Why don't you put your muffler round your neck?*”/ “*You might want to wear a scarf.*”/ “*Perhaps you could put on a scarf?*”/ “*Why don't you put on a scarf?*”/ “*It would be a good idea if you wrapped your neck with a scarf against the cold*”.

Вот такие нежности и тонкости. А мы-то привыкли считать, что если по-русски вся модальная сфера долженствования, к примеру, покрывается разными оттенками значения слова «надо» («нужно»), то и в английском найдётся что-нибудь такое же универсальное, чтобы употреблять его, не мороча себе голову. Вот и примеряем: то *must*, то *should*. А как же *have to*, *be to*, *ought to*, *shall*, да и *need to*, в конце концов? Ведь ни один из этих глаголов не совпадает в точности по значению ни с каким другим; большинство из них даже частично не перекрываются; там, где нужен один из них, не годится никакой другой. Хорошо, если ошибка просто напугает слушателя, что он имеет дело с человеком, для которого английский язык не родной. Но, как мы видим, велика вероятность того, что бездумно выбранный (и постоянно выбираемый) модальный глагол может представить

говорящего в образе бесцеремонного «медведя», не уважающего чувства и права собеседника, а это уже не шутки.

Для того, чтобы уточнить модальные значения в зависимости от смыслов, заложенных в текст говорящим, иногда достаточно просто задуматься над функционально-прагматическим значением высказывания и выбрать то средство выражения модальности, которое ему соответствует. Предположим, русский оратор сказал: *Не нужно это делать*. В зависимости от того, какой смысл он вложил в эти слова – а это могло зависеть от широкого и узкого контекста, могло быть подчеркнуто теми или иными просодическими средствами – это высказывание могло иметь одну из множества функций, каждая из которых передаётся по-английски по-своему:

<разрешение не делать>	You <u>needn't</u> do it./ You <u>don't have to</u> do it. (It can be left undone.)
<упрёк>	You <u>mustn't</u> do it. (Don't trouble yourself, it's somebody else's duty.)
<совет>	You <u>shouldn't</u> do it. (It could be bad for you.)
<запрет>	You <u>cannot</u> do it./ <u>Don't</u> do it. (It is forbidden.)

Нередко для того, чтобы принять решение о выборе инструмента выражения модальности, приходится учитывать факторы, выходящие далеко за пределы содержания высказывания и даже текста как такового. Например, как следует перевести слова выступающего: *Нам нужно сократить выбросы парниковых газов на 20%?* Переводческое решение здесь будет зависеть от параметров прагматического и экстралингвистического характера: 1) Занимает ли говорящий такое положение, что он может решить эту проблему или хотя бы повлиять на её решение? 2) Хочет ли он это делать, или только разговаривает об этом? 3) Это его личное решение, или он действует под давлением обстоятельств? 4) Намерен ли он сам участвовать в этом, или ждет, что это сделают другие? Если он может и хочет активно действовать, уместен перевод с глаголом *must*; если готов только выразить свое мнение или пожелание, достаточно глагола *should*; если действие неизбежное, но вынужденное, понадобится *have to*; если повлиять на исход дела не в его власти, придется сказать *need to*. Получается, что в данном случае выбор модального глагола зависит от роли и положения говорящего относительно упоминаемого действия. С некоторой натяжкой можно предложить такое «распределение ролей» говорящих для каждого из получившихся высказываний:

We must cut greenhouse gas emissions by 20%. (Президент компании (или государства), принявший решение)

We should cut greenhouse gas emissions by 20%. (Советник президента – до принятия решения)

We need to cut greenhouse gas emissions by 20%. (Эколог, активист «зеленых»)

We have to cut greenhouse gas emissions by 20%. (Экономист, подсчитывающий будущие убытки)

Конкретизация модальных значений, необходимая для правильной передачи их при русско-английском переводе (или при «переводе на английский наших русских мыслей») – дело абсолютно обязательное. Много лет назад одна моя студентка, осознав эту истину, сказала с ужасом в глазах: «Это что же – каждый раз *думать* нужно?!»

Думать нужно. И чувствовать. И уважать законы и логику чужого языка и чужой культуры, раз уж мы считаем для себя необходимым пользоваться ими в своей деятельности. Нельзя лезть в чужой монастырь со своим уставом, а то как раз и прослывёшь медведем. И даже самые добрые намерения, не подкрепленные знанием и опытом, могут не помочь – медвежья объятия не намного лучше удара лапой.

Друзья! Соотечественники! Давайте перестанем пугать наших западных, да и восточных партнёров «русским медведем». Давайте сделаем для этого хотя бы то, что в наших с вами силах – научим его понятно и правильно говорить по-английски.